

УДК 330.341:94(470+571)"1985/..."

АГРАРНЫЙ СЕКТОР РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ НАКАНУНЕ ПЕРЕСТРОЙКИ: ПРОБЛЕМЫ И ПРОТИВОРЕЧИЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕНЗЕНСКОЙ ОБЛАСТИ)

© 2016 г.

А.А. Кирюхин

Пензенский государственный университет, Пенза

publicatsii@gmail.com

Поступила в редакцию 01.08.2016

Анализируется положение сельскохозяйственной отрасли региональной экономики накануне перестройки. На основе исследования архивных материалов автор приходит к выводу о наличии противоречивых тенденций в развитии сельскохозяйственной отрасли экономики СССР 1970-х – первой половины 1980-х гг.: концептуальных (на уровне формирования социальных институтов), системных (связанных с ограничениями модели линейного роста экономики) и технологических. Завершение процесса раскрестьянивания имело своим следствием разрушение социальных связей и соответствующего отношения к труду. Второй уровень противоречий был вызван формированием линейной, экстенсивно ориентированной моделью экономики. Технологический уровень противоречий стал следствием взаимовлияния двух основных причин: непонимания концептуальных проблем руководством и трудностей в сфере логистики. На этапе выработки аграрной политики в угоду идеологии были допущены серьезные просчеты, негативное влияние которых советское руководство пыталось минимизировать при помощи половинчатых паллиативных реформ (прежде всего накачиванием аграрного сектора инвестициями), сознательно допуская использование рыночных механизмов (развитие ЛПХ), что лишь усиливало деградацию сельского хозяйства.

Ключевые слова: аграрный сектор экономики, перестройка, системные противоречия.

Несмотря на появление новых приоритетов, вызванных структурными изменениями народно-хозяйственного комплекса в условиях перехода к постиндустриальному типу экономических отношений, аграрный сектор любой экономики сохраняет свое значение, поскольку ориентирован на удовлетворение базовых потребностей человека. Вступив на путь социально-экономической трансформации, Россия вот уже более 25 лет решает проблемы выбора стратегии институциональных преобразований, регулирования хозяйственных связей и поиска действенного механизма стимулирования сельскохозяйственного производства. Необходимость преодоления домодернового статуса, завершение трансформации аграрного сектора экономики обуславливает высокую степень научной значимости обращения к опыту предшествующих эпох, задает направленность исследовательской практики. Появление первых исследований, посвященных проблемам социальной деградации традиционной деревни в 1960–1970-е гг., относится непосредственно к концу 1960-х гг. Первыми на трагедию советской деревни обратили внимание социологи [1]. Отдельно необходимо отметить заслуги творческого коллектива новосибирских исследователей под руководством Т.И. Заславской, а затем В.И. Старовойтова [2]. Вместе с тем следует при-

знать, что историография аграрного развития СССР в последние десятилетия XX века еще не преодолела рубеж своего становления: появление устойчивого интереса к подобной проблематике фиксируется не ранее начала 2000-х гг.

Хронологическая близость рассматриваемого периода к современной эпохе определяет междисциплинарный характер исследований: в контексте анализа отдельных аспектов социального развития к изучению отечественного опыта регулирования аграрных отношений в условиях кризиса индустриального общества второй половины XX века обращаются представители исторической и экономической наук, политологии, социологии и т.д. В частности, в своей работе В.В. и К.В. Милосердовы в сравнительной ретроспективе анализируют проблемы низкой эффективности сельскохозяйственного производства, несбалансированности его развития, инвестиционной и структурной политики, регионального хозрасчета, экономических методов управления на различных этапах развития России в XX веке [3].

Ключевым вопросом современных исследований становится анализ причинно-следственных связей инертной включенности аграрного сектора экономики в объективный процесс либерализации производственных от-

ношений в условиях перестройки. Так, по мнению Е.Т. Гайдара, проблемы аграрного сектора советской экономики, проявившиеся в 1980-е гг., были обусловлены политикой коллективизации, которая «вымыла» профессиональную и трудовую этику в крестьянском сознании, привела к ригидности социальных структур. Именно это не позволило «включить» человеческий фактор в условиях массивных инвестиций в сельское хозяйство, которые начались с середины 1970-х гг., и привели к краху аграрной политики в целом [4].

Социологические аспекты процессов трансформации в аграрном секторе экономики СССР в последние десятилетия XX века были рассмотрены в работах З.И. Калугиной [5], В.В. Пациорковского [6], В.И. Старовойта, А.Н. Захарова [7] и др. Основное внимание в данных работах было уделено проблемам изучения факторов, характера и направленности, социальных последствий преобразований, адаптационных стратегий сельскохозяйственных производителей и населения села в целом. Общей методологической платформой для работ последнего времени выступает теория модернизации. Широко распространено представление о некомплексном (одностороннем) характере российской модернизации, формирующем устойчивую зависимость от собственного прошлого [8, с. 1024].

Современные исследователи трактуют состояние кризиса советской экономической модели 1970–1980-х гг. как реакцию СССР на постмодернизационный вызов [9, с. 61]. Не лишним здесь будет отметить и ситуацию агроэкологического кризиса, характерную для развитых стран Запада применительно к рассматриваемому периоду [10, с. 81].

При этом следует учитывать и особенности, национальное своеобразие адаптации российского общества к вызовам модернизации, обусловленное задачами политической организации на обширной малонаселенной территории. Весьма аргументированно «прорастание» прошлого, воспроизводство архаики в реформистских начинаниях новейшего времени представлено в трудах О.Э. Бессоновой. По мнению автора, советская экономическая модель являлась органическим продолжением особой (отличной от рыночной) саморегулирующейся экономики, возникшей в российской истории эволюционным путем. В дефиниции исследователя сущность отечественного опыта можно охарактеризовать как раздаточную экономику, при которой отношения хозяйствующих субъектов и государства выражаются механизмами «сдач-раздач», а не «купли-продажи» [11, с. 5–6].

Почвенническую составляющую, таким образом, можно обнаружить и в обычае одаривания рыбой царских вельмож в XVII в., и в предоставлении бесплатного жилья советским гражданам, и в финансировании убыточных колхозов в 1970–1980-х гг.

Задачи социокультурной трансформации, определявшей развитие СССР/России во второй половине XX – начале XXI века и пока не получившей логического завершения, фокусируются на смене наемной модели трудовых отношений договорной (контрактной) и конвергенции раздаточных отношений с рыночными механизмами [11, с. 143].

Анализ современной научной периодики позволяет выделить ряд наиболее приоритетных исследований по проблемам аграрного развития СССР в последние десятилетия XX века: общие тенденции и региональные особенности реализации государственной политики, ее характер и направленность [12]; адаптационные ресурсы деревни в условиях институциональных преобразований [13]; сельское хозяйство СССР в условиях формирования нового технологического уклада [10].

Исследователями отмечается важность изучения локальных особенностей адаптации российского села к вызовам постиндустриальной эпохи, что объясняется необходимостью сравнительного анализа аграрных отношений в регионах России, нередко самым кардинальным образом отличающихся друг от друга по природно-климатическим, демографическим, экономическим и социальным показателям [13, с. 83]. В представленной статье предпринимается попытка выявления региональных особенностей кризиса экономической модели на примере сельского хозяйства Пензенской области.

Предваряя анализ источников по заявленной проблеме, необходимо отметить, что системные противоречия и диспропорции стали следствием реализации дискриминационной политики в отношении аграрного (доиндустриального) сектора, рассматривавшегося большевиками в качестве основного ресурса для модернизационного рывка. К факторам устойчивой невосприимчивости деревни к достижениям формирующегося инновационного технологического уклада следует также отнести процессы архаизации, возвратной социокультурной динамики и тотальной деградации сельской повседневности; существование длительной экстенсивной аграрной традиции, не изжитой и в середине XX века (реализация проекта по освоению целинных и залежных земель); игнорирование необходимости поисков и реализации научно обоснованных механизмов сочетания, взаимо-

действия раздаточных и рыночных отношений (что проявилось, в частности, во введении гарантированной оплаты труда колхозников и т.п.); приоритет административных методов над институциональными при решении управленческих задач; абсолютизацию идеи специализации в отраслевом управлении сельским хозяйством и чрезмерную бюрократическую опеку над непосредственными производителями. Так, рассматривая основные проблемы взаимодействия науки и сельского хозяйства в СССР, А.В. Рычков описывает две волны архаизации технологического уклада, захвативших советскую деревню в 1920-е и 1940-е гг. Сохранение низкой культуры производства стало главной причиной низкой результативности всей системы мероприятий по внедрению интенсивных технологий (организация опытно-показательных и базовых хозяйств в 1960–1970-х гг., появление в 1980-е гг. научно-производственных объединений, разработка новационных систем земледелия, более совершенных технологических средств, средств защиты растений и новых сортов, рациональных форм организации труда и т.д.) [10, с. 82–83].

Естественным следствием сложившейся ситуации становится колоссальное отставание от главного конкурента СССР – США по производительности труда в сельском хозяйстве: за 1970–1990-е гг. данный показатель вырос с 4 до 10 раз. По данным З.И. Калугиной, «к 1990 г. в СССР затраты труда на производство 1 ц продовольственного зерна (в основном пшеницы) были выше, чем в США, в 4.3 раза, а молока – в 11 раз, говядины – в 17 раз, свинины – в 22 раза... Урожайность всех зерновых снизилась, в то время как размер посевных площадей в расчете на душу населения (без площадей, используемых для производства на экспорт) в нашей стране более чем в 2 раза превосходил соответствующий показатель в США [5].

Не принесли желаемого результата самые значительные за всю историю аграрного сектора экономики капитальные вложения. Так, по данным М.И. Ивановой, в сельское хозяйство в 1970 г. было направлено 16 млрд руб., в 1975 г. – 26.1 млрд руб., в 1980 г. – 29.8 млрд руб., в 1985 г. – 31.5 млрд руб. [14, с. 88]. В итоге в 1981–1985 гг. доля капиталовложений в сельское хозяйство составляла 18.5% ВВП. Однако эффективность использования направляемых ресурсов оставляла желать лучшего, более того, наблюдалась тенденция к снижению уровня эффективности инвестиций [4, с. 222].

На региональном уровне этот вывод подтверждают следующие данные. В период 1970–1985 гг. основные средства колхозов Пензен-

ской области выросли в 5 раз, основные производственные средства – в 4 раза. С 1970 г. фондообеспеченность и энерговооруженность колхозов и совхозов региона увеличились в 2.9–4.5 раза, использование минеральных удобрений в 3 раза. В то же время выработка на 1 эталонный трактор с 1970 г. к 1985 г. снизилась на 5%, на 1 зерновой комбайн – на 23%. Валовая продукция колхозов в расчете на 100 руб. среднегодовых производственных средств сельскохозяйственного назначения снизилась с 101 руб. в 1970 г. до 29 руб. в 1985 г. По сравнению с 1970 г. к 1985 г. число убыточных колхозов выросло в 5 раз [15, л. 85–86].

Показатели валовой продукции сельского хозяйства Пензенской области за годы XI пятилетки к уровню X остались без изменений (1981–1985 гг. – 17 308 тыс. руб., а 1976–1980 – 17568 тыс. руб.), и даже имела тенденция к ее снижению, хотя прирост основных фондов за XI пятилетку против X составлял 40%. Это прямое свидетельство того, что государство, начав крупномасштабную программу инвестиций в сельское хозяйство, не получало отдачи. Инвестиционные проекты оказались нерентабельными. В первую очередь эти вливания были неэффективны потому, что ставка делалась на инфраструктуру, а не на рост качества человеческого капитала [16, л. 78].

Результатом паллиативных мер стало нарастание кризисных явлений в отдельных секторах сельскохозяйственного производства. Так, в Пензенской области в 1985 г. производство зерна в колхозах сократилось по отношению к уровню 1970 г. на 17%. Систематически снижалась урожайность. В частности, среднегодовой урожай зерновых культур за VIII пятилетку составлял в области 15.3 ц с гектара, за IX пятилетку – 13.9 ц с гектара, X – 13.7 ц с гектара, XI пятилетку – 12.1 ц с гектара, а урожайность 1985 г. составляла всего 11.7 ц с гектара [17, л. 3].

Начиная с 1974 г. по 1985 г. область 7 раз срывала планы закупок хлеба. Резко возросло количество колхозов и совхозов, не обеспечивших реализацию плановых заданий: если в 1985 г. таких хозяйств было 65%, то в 1986 г. уже 80%. При этом зерно было низкого качества, большая часть которого была непригодна для выработки сортовой муки и использовалась преимущественно на фуражные и технические цели [17, с. 4].

Во многих отношениях вопрос о проявлении кризисных тенденций в развитии аграрной сферы обусловлен структурными изменениями, охватившими экономику Пензенской области в 1960–1970-е гг. В рассматриваемый период в

регионе некогда сугубо сельскохозяйственной ориентации с прочными традициями домодернового технологического уклада начинается стремительное развитие индустриальной сферы, и прежде всего машиностроительного комплекса оборонной направленности. Строительство ряда крупных предприятий в городах области спровоцировало масштабные миграционные процессы и резкий рост численности населения городов. Так, между переписями 1959 г. и 1970 г. пензенская деревня обезлюдела на 114 099 человек, а в сравнении с 1926 г. сельское население региона сократилось вдвое [18]. Демографическую структуру села к середине 1980-х гг. позволяют представить следующие данные: в 1984 г. в области насчитывалось 173 колхоза при общей занятости в сельскохозяйственном производстве 112 868 человек. Из них мужчины в возрасте от 60 лет и старше и женщины в возрасте от 55 лет и старше составляли 45 005, или 40%, подростки в возрасте от 12 до 16 лет – 11 302. Мужчин в трудоспособном возрасте в колхозах области трудилось 23 035 человек, или 20% от всего количества работников [19, л. 2].

Процессы урбанизации вызвали увеличение спроса горожан на продукты животноводства и обусловили курс на строительство животноводческих комплексов. Но именно эта мера привела к резкому росту доли зерновых культур в кормовом балансе. Имевшиеся же мощности растениеводства не могли обеспечить все возросшую потребность в комбикормах: заготовки сена, соломы, силоса едва превышали половину требуемых норм [15, л. 19].

Решение проблем агропромышленного комплекса лежало в освоении интенсивных технологий. Но этот процесс всегда сопровождается ростом качества человеческого капитала, а при смене технологического уклада – изменением институциональных основ общественных отношений, в первую очередь отношений собственности. К началу перестройки проблема трансформации отношений собственности на повестке дня не стояла, так же как и вопрос о росте качества человеческого капитала, однако необходимость широкомасштабных изменений была очевидной. Это следует из выступления А.С. Суховой – бригадира тракторно-полеводческой бригады совхоза «Елизаветенский» Мокшанского района Пензенской области: «Решение вопросов увеличения производства зерна стоит в прямой зависимости от отношения к своей работе хозяина полей – хлебороба. Настрой его на серьезный подход к порученному делу, заинтересованность в конечных результатах труда – вот поле деятельности партийных, профсоюзных, комсомольских и дру-

гих общественных организаций» [16, л. 40]. Эта же мысль прослеживается и в выступлении Ю.И. Вечкасова – первого секретаря Тамалинского райкома КПСС, члена обкома партии. «Зерновая проблема имела для Тамалинского района Пензенской области особо острый характер. В XI пятилетке план продажи зерна государству был выполнен только на 57%, среднегодовая урожайность зерна в XI пятилетку по району составляла 15 ц с гектара. Государство не жалело средств на переоснащение сельскохозяйственного производства. Но все вложения могли дать отдачу лишь в том случае, – делал акцент выступавший, – если работать в этой сфере будут квалифицированные, умелые кадры. На сегодняшний момент квалифицированные кадры для нашего района – это первостепенная проблема, требующая незамедлительного решения» [16, л. 24].

Однако в реальности наблюдалась неуклонная тенденция к деградации социальной структуры села, выразившейся в оттоке наиболее трудоспособного и активного населения в города. Так, к 1985 г. доля участия трудоспособного населения в колхозном производстве по сравнению с 1970 г. сократилась на 17% [20, л. 86]. Дополнительным стимулом «бегства» в города становится череда административных реформ, обусловленных специализацией управления АПК. Создание новых организационных форм на центральном уровне (Союзсельхозтехника, Сельхозэнерго и т.д.) вызвало формирование соответствующих ведомственных вертикалей и отток квалифицированных специалистов из хозяйств [21, с. 167]. Таким же способом решался вопрос кадрового обеспечения основного управленческого звена (РАПО) в процессе реализации Продовольственной программы.

Активизировать человеческий фактор в этих условиях было возможно только путем фундаментальных изменений в социальных отношениях, в создании среды свободных экономических отношений. К сожалению, в поиске решений нараставших как снежный ком проблем советское руководство упорно игнорировало необходимость институциональных изменений, отдавая предпочтение перестройке административного механизма и активному использованию отношений раздаточного типа. Проблемы сельского хозяйства государство решало путем прямого субсидирования затрат производителей через высокие закупочные цены на сельскохозяйственную продукцию. Так, в 1984 г. валовая продукция сельского хозяйства (в сопоставимых ценах 1973 г.) оценивалась в 434 076 тыс. руб. [17, л. 5], тогда как затраты на производство составляли 767 234 тыс. руб. Поэтому,

например, в рассматриваемый год средний уровень рентабельности совхозов по области составлял 28.4% [17, л. 33], а средняя прибыль по совхозам достигала 16% [17, л. 80]. Но даже при такой высокой рентабельности четвертая часть совхозов была убыточна. Ресурсы, которые можно было направить на развитие высокотехнологичных отраслей, попросту «растворялись» в сельском хозяйстве. При этом, как отмечалось выше, от каждого дополнительно вложенного рубля уровень эффективности падал. Поэтому, действительно, хозяйства имели высокую рентабельность, но она обеспечивалась разбалансированностью межотраслевого баланса всего хозяйственного комплекса. Выбранный механизм линейной «накачки» сельского хозяйства ресурсами приводил к обратным результатам, имея рентабельность на уровне сырьевых экспортно-ориентированных отраслей, можно было уже не задумываться о реальной отдаче и эффективности.

Этот вывод подтверждают и данные по использованию основных фондов в сельскохозяйственном комплексе Пензенской области. Обновление и расширение основных фондов шло очень медленно. Так, из запланированных на 1984 г. к введению в действие 8000 скотомест реально было построено только 5272 места. Было запланировано строительство хранилища для травяной муки на 14 тыс. т, но в действие ввели только площади для хранения на 600 т. Для брикетированных и гранулированных кормосмесей было запланировано освоить площади для хранения 9 тыс. т таких смесей, однако в действие такие площади вообще не были введены [22, л. 32]. Созданная материально-техническая база использовалась неэффективно, рост капиталовложений в сельское хозяйство не давал должной отдачи, слабо использовались возможности по усилению интенсификации производства. Показатели уровня фондоотдачи в 1985 г. по отношению к 1981 г. сократились на 34%. В среднем за 1976–1980 гг. на 100 рублей основных производственных фондов производилось продукции на 37.3 рубля, а в 1984 г. только на 25.1 рубля, а в совхозах «Березовский», «Пятилетка», в колхозе имени Свердлова, наиболее обеспеченных основными фондами, этот показатель составлял всего лишь 14.5–21.7 рубля. За 1981–1984 гг. среднегодовая валовая продукция сократилась к уровню X пятилетки (1976–1980 гг.) в большинстве хозяйств района, планы продажи зерна были выполнены только на 46%, сахарной свеклы – на 83%, подсолнечника – на 29% [22, л. 37]. При этом следует отметить, что государство изначально прогнозировало потенциальную убыточность сель-

хозпроизводителей, вводя соответствующие показатели в процесс планирования. В частности, по плану 1985 г. общие убытки предприятий агропромышленного комплекса Пензенской области рассчитывались из показателя в 240 тыс. руб., однако на практике была превышена цифра в 15 376 тыс. руб., или в 64 раза [23, л. 1].

На специфику раздаточной экономики указывают и материалы заседания бюро Пензенского обкома КПСС от 11 мая 1986 г. На заседании рассматривался вопрос перераспределения мясной продукции в колхозах и совхозах области на внутривозрастные нужды. В частности, за XI пятилетку долг хозяйств региона государству в поставках мяса составил 7.6 тыс. т, а перерасход на внутривозрастные нужды – 22.3 тыс. т. Установленные облисполкомом предельные нормы расходования мяса на общественное питание, продажу рабочим и колхозникам были превышены в 1.6 раза. Особо подчеркивалось, что многие руководители не осуществляли контроль за производством и распределением продукции животноводства, особенно мяса. Допускались грубые нарушения государственной дисциплины, имели место факты бесхозяйственности, расточительности, продажи мяса за наличный расчет не работавшим в хозяйстве посторонним лицам, потребкооперации и другим организациям, имели место значительные потери при утилизации мясopодуктов [24, л. 6]. Анализ данных проверок показывает, что в результате допущенных потерь, ухудшения и порчи мяса, списания его на корм скоту и утилизацию за 1985 г. был выявлен ущерб в целом на сумму 260.6 тыс. рублей [24, л. 7]. В отдельных колхозах перерасход продукции животноводства достигал четырехкратного превышения нормы.

Далеко не лучшим образом (с позиций идеологической чистоты) характеризовало сложившуюся модель хозяйственных отношений активное вовлечение в процесс заготовок продуктов животноводства личных подсобных хозяйств. Так, подводя итоги работы АПК области за 1984 г., партийное руководство вынуждено было признать, что планы государственных закупок по мясу, молоку и особенно по шерсти во многом были выполнены за счет приобретения этой продукции у населения [25, л. 91]. В попытках снять противоречие между приоритетом общественного и частного производства власти уповали на положение о соответствии идеи вовлечения продукции подсобных хозяйств в продовольственные ресурсы области общей линии партии на увеличение производства сельскохозяйственной продукции [25,

л. 91]. Статистические данные свидетельствуют, что в рассматриваемый период удельный вес мяса, закупленного у населения и сданного в зачет государству, достигал половины всех поставок: в частности, в Бековском районе – 42%, Неверкинском – 44%, Земетчинском – 56%. Выводы очевидны – к началу перестройки в области активно действовали личные подсобные хозяйства, которые были ориентированы на товарное производство. Но при этом видно, как идеология «нависала» над реальной хозяйственной жизнью. И опять же ясно, что для дальнейшего развития более эффективных форм производства было необходимо снять «идеологические барьеры».

Отсюда же вытекало еще несколько проблем. Большое количество специалистов и даже руководителей хозяйств превращались в «менял» и «доставал» [25, л. 92], теряли свою квалификацию. Как видно из документа, например, в Земетчинском районе более 50% заготовок мяса были обеспечены поставками населения. А это означало, что ресурсы за бесценок перетекали из колхозов и совхозов в личные подсобные хозяйства. Получалось, что государство субсидировало колхозы и совхозы, а эти субсидии, только уже в овеществленной форме, перетекали в личные хозяйства, а у них государство покупало продукцию. Такая схема экономических отношений не просто неэффективна, она нестабильна и кризисна по определению. Такой институт социально-экономических отношений сформировался как бы «на стыке» вертикально-интегрированной структуры государственного хозяйства и горизонтальной структуры личных подсобных хозяйств. Но говорить, что были сформированы горизонтальные экономические связи между участниками заготовительного процесса нельзя. Реальных экономических отношений между личными хозяйствами не было. Фактически ресурсы черпались из совхозов и колхозов, а затем ЛПХ сдавали готовую продукцию в те же колхозы и совхозы. Собственно, опыт 1990-х показал, что с исчезновением «дешевых» государственных ресурсов эти же производители не смогли адаптироваться к рыночным условиям.

Продолжала оставаться низкой продуктивность полей и ферм, наблюдалась большая пестрота в урожайности сельхозкультур и продуктивности животноводства. Так, урожайность зерновых культур за 1984 г. колебалась от 5.7 до 14.5 центнера с гектара, что ниже плановых показателей, надой молока на фуражную корову – от 1580 до 4000 кг.

Особую озабоченность руководства вызывало отсутствие прямой зависимости материаль-

но-технического обеспечения хозяйств от конечного результата их работы: «некоторые хозяйства шли налегке, без напряжения, а от государства брали капиталовложения и технику и при этом гораздо больше, чем передовые» [26, л. 36].

Провал Продовольственной программы вынудил местные власти реанимировать архаичные практики самообеспечения населения продуктами питания. В лучших традициях раздаточной экономики в области начинается спешное формирование садоводческих и огороднических товариществ. К 1985 г. земельная площадь, занимаемая товариществами, составляла уже 2603 га. Садовыми участками пользовались 44.5 тыс. семей, входивших в 282 садоводческих товариществ. В 1985 г. в таких товариществах было собрано 4.2 тыс. т фруктов и ягод, 5 тыс. т картофеля и овощей, что в 3 раза больше, чем в 1980 г. Членами товариществ за 1985 г. было выращено 3 тыс. голов птицы, 3805 кроликов.

Коллективным огородничеством было охвачено 47.7 тыс. чел. С 2367 га земли за 1985 г. было получено 15 729 т картофеля и 165 т овощей. Все заявки городского населения на предоставление участков под огороды были удовлетворены полностью [27, л. 85]. Дальнейшее развитие коллективного садоводства и огородничества рассматривалась как актуальная социально-экономическая задача, к концу 1990 г. планировалось удвоить их количество [27, л. 86].

В социальном плане развитие огородничества и садоводства стало формой массового досуга и приложения сил широких масс населения. В экономической сфере развитие данной отрасли помогало сгладить продовольственный вопрос. Причем реализация этой политики не требовала осуществления никаких значительных изменений в социально-экономической политике. Объективно сложившаяся ситуация формировала представление о необходимости пересмотра доктринальных основ экономической политики, об изменении ее приоритетов от «административного нажима» до предоставления свободы хозяйственной деятельности.

Характерной чертой плановой экономики являлась рассогласованность и несбалансированность различных планов. Так, по словам М.Е. Чернышова, директора совхоза «Сюзюмский» Сосновоборского района, из-за особенностей планирования совхоз, освоивший по собственной инициативе возделывание кукурузы по зерновой технологии, был не в состоянии увеличить объемы производства по причине отсутствия необходимой уборочной техники [25, л. 61]. Ограничение самостоятельности предприятий было следствием формирования

линейной структуры экономики, в которой горизонтальные связи практически отсутствовали. Это обстоятельство также сдерживало развитие и рост экономики. Тем более что в сфере общественного производства существовали резервы для дальнейшего развития в рамках существовавших хозяйственных отношений. И резервы эти находились во внедрении новых форм организации труда, и прежде всего бригадного подряда.

В Пензенской области бригадный подряд стали активно внедрять с 1984 г. [28, л. 117]. Особый упор был сделан на его применение в животноводстве. Внедрялась новая форма организации труда сложно, и со стороны руководителей как конкретных предприятий, так и партийных учреждений поддерживалась с неохотой. Партийные комитеты и сельскохозяйственные органы продолжали оценивать деятельность колхозов и совхозов лишь по количественным результатам, не анализируя, какой ценой они достигнуты. В отчетах постоянно указывали приросты производства, но старались умолчать, соответствовали ли они плановым заданиям. Не учитывались затраты труда и средств, себестоимости продукции, соотношения между ростом производительности труда и его оплатой, факторы окупаемости. Такое отношение дезорганизовывало людей, не стимулировало рост заинтересованности в результатах своего труда [28, л. 118]. И все же внедрение коллективного подряда давало свои результаты. За 1984 г. в колхозах и совхозах области на коллективно-подрядные формы организации труда было переведено 15 867 человек [29, л. 13]. Развитие этой формы организации труда дало существенный рост всех показателей производства. В целом, в области в сельскохозяйственном обороте находилось 2486 га обрабатываемой пашни, при этом на принципах коллективного подряда обрабатывалось 800 га пашни. Тракторов насчитывалось 19 933 шт., в коллективном подряде использовалось 6194 шт. В этих условиях в целом по отрасли региона валовой продукции было произведено на 264 402 тыс. руб., в том числе коллективным подрядом произведено продукции на 128 615 тыс. руб. Производительность труда в целом по сельскому хозяйству региона составляла 2901 руб., а хозяйства, работавшие на коллективном подряде, производили 13 327 руб. на одного работника. Бригады, работавшие на коллективном подряде, показывали и более высокую урожайность. Если урожайность в целом по колхозам и совхозам области составляла 7.7 ц с 1 га, то бригады, работавшие на подряде, получали 9.1 ц с 1 га зерновых культур; по сахарной свекле 157 ц против 164, по картофелю 91 про-

тив 98, по овощам 103 против 106 и по кукурузе 180 против 200 [29, л. 21–23].

Таким образом, анализ делопроизводственной документации и статистических данных свидетельствует о нарастании кризисных явлений в аграрном секторе экономики СССР на протяжении 1970-х – первой половины 1980-х гг. Противоречия, послужившие фактором системной трансформации хозяйственного уклада, были порождены самой практикой функционирования сельскохозяйственного производства в условиях формирования раздаточной модели экономики. Уже на этапе выработки аграрной политики в угоду идеологическим мифологемам были допущены серьезные просчеты, негативное влияние которых советское руководство пыталось минимизировать путем половинчатых паллиативных реформ (прежде всего накачивая аграрный сектор инвестициями), сознательно допуская, в том числе, и использование рыночных механизмов (развитие ЛПХ), что лишь усиливало длительную тенденцию деградации сельского хозяйства. Вместе с тем выявленные «проблемные зоны» в сфере сельскохозяйственного производства указывают на направления институциональных преобразований, соответствующих требованиям постиндустриального вызова, и необходимость формирования стратегий адаптации населения к предстоящим преобразованиям.

Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта «Советское общество в условиях социокультурной трансформации (вторая половина 1970-х – начало 1990-х гг.)» № 16-31-00009.

Список литературы

1. Арутюнян Ю.В. Опыт социологического изучения села // М.: Изд-во МГУ, 1968. 311 с.
2. Староверов В.И. Социально-демографические проблемы деревни. Методология, методика, опыт анализа миграции сельского населения // АН СССР. Ин-т социол. исследований. М.: Наука, 1975. 287 с.
3. Милосердов В.В., Милосердов К.В. Аграрная политика России – XX век. М.: ФГУП «ВО Минсельхоза России», 2002. 543 с.
4. Гайдар Е.Т. Гибель империи: уроки для современной России. М.: Астрель, 2007. 448 с.
5. Калугина З.И. Парадоксы аграрной реформы в России: социологический анализ трансформационных процессов. 2-е издание. Новосибирск: Изд-во института ИэиОПП СО РАН, 2001. 196 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://nesch.ieie.nsc.ru/Monografy.html> (дата обращения: 09.04.2016).
6. Пациорковский В.В. Сельская Россия: 1991–2001 гг. М.: Финансы и статистика, 2003. 368 с.
7. Староверов В.И., Захаров А.Н. Трагедия демократической модернизации российского аграрного строя // М.: ИСПИ РАН, 2004. 264 с.

8. Сухова О.А. Российская провинция и вызовы модернизации: проблемы методологии и историографии исследования // Известия ПГПУ им. В.Г. Белинского. Пенза: ПГПУ, 2012. № 27. С. 1024–1029.
9. Яник А.А. История современной России: истоки и уроки последней российской модернизации (1985–1999). М.: Фонд современной истории. Изд-во Московского университета, 2012. 760 с.
10. Рычков А.В. Наука и сельское хозяйство в СССР во второй половине XX века: основные проблемы взаимодействия // Села Зауралья: история и современность. 2013. № 2 (21). С. 81–84 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://elibrary.ru/download/59747140.pdf> (дата обращения: 08.04.2016).
11. Бессонова О.Э. Раздаточная экономика России: эволюция через трансформации. М.: РОССПЭН, 2006, 147 с.
12. Лебедев А.П. Содержание и направленность аграрной политики в СССР (1965–1985 гг.) // Вестник Мордовского университета. 2014. № 3. С. 64–74 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://elibrary.ru/download/36460244.pdf> (дата обращения: 08.04.2016).
13. Хазагаева И.Ц. Исследование институциональных преобразований в аграрном секторе российской экономики // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2014. № 1 (26). С. 82–86 // Электронный ресурс. Режим доступа: <http://elibrary.ru/download/73205392.pdf> (дата обращения: 08.04.2016).
14. Иванова М.Н. Государственная политика, научно-технические разработки в сельском хозяйстве и экономическая эффективность: опыт СССР в 1953–1985 гг. // Экономическая история. 2014. № 2 (25). С. 88–92 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://elibrary.ru/download/48030221.pdf> (дата обращения: 08.04.2016).
15. Государственный архив Пензенской области (далее – ГАПО). Ф. П-148. Пензенский обком КПСС. Бюро обкома. Оп. 1. Д. 6966.
16. ГАПО. Ф. П-148. Оп. 1. Д. 7032.
17. ГАПО. Ф. Р-921. Статистическое управление Пензенской области. Оп. 19. Д. 19.
18. Полубояров М.С. Из истории и демографии Пензенской области [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.suslony.ru/Penzagebiet/predislovie.htm> (дата обращения: 11.04.2016).
19. ГАПО. Ф. Р-921. Оп. 19. Д. 33.
20. ГАПО. Ф. П-148. Оп. 1. Д. 7018.
21. Серогородский Н.А. Состояние и тенденции развития сельского хозяйства СССР в начале 1980-х годов // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 3. С. 166–168. (17). Ч. II.
22. ГАПО. Ф. П-148. Оп. 1. Д. 6847.
23. ГАПО. Ф. Р-913. Управление сельского хозяйства Пензенского облисполкома (облсельхозуправление) 1935–1989. Оп. 1. Д. 8996 а.
24. ГАПО. Ф. П-148. Оп. 1. Д. 6957.
25. ГАПО. Ф. П-148. Оп. 1. Д. 6840.
26. ГАПО. Ф. П-148. Оп. 1. Д. 6838.
27. ГАПО. Ф. П-148. Оп. 1. Д. 6971.
28. ГАПО. Ф. П-148. Оп. 1. Д. 6966.
29. ГАПО. Ф. Р-921. Оп. 19. Д. 906.

**AGRARIAN SECTOR OF THE REGIONAL ECONOMY ON THE EVE OF PERESTROIKA:
PROBLEMS AND CONTRADICTIONS
(BASED ON THE MATERIALS OF THE PENZA REGION)**

A.A. Kiryukhin

The paper analyzes the situation in the agricultural sector of the regional economy on the eve of Perestroika. Based on the study of archival materials, the author reaches the conclusion that serious contradictions developed in the agricultural branch of the USSR economy in the 1970s and in the first half of the 1980s. These contradictions were of conceptual (at the level of formation of social institutes), system (related to the limitations of the model of linear economy growth) and technological nature. The completion of the depeasantization process had the effect of disruption of social ties and the appropriate attitude to work. The second level of contradictions was caused by the formation of a linear model of the economy focused on extensive growth. The technological level of contradictions was the result of interaction of two main reasons: lack of understanding of conceptual issues by the leadership and problems of logistics. There were serious shortcomings already at the stage of development of agrarian policy – to suit the ideology. The Soviet leadership tried to minimize the negative impact of these shortcomings by half-hearted palliative reforms (primarily by pumping investments into the agrarian sector), deliberately allowing the use of market mechanisms (development of smallholders), which only increased the degradation of agriculture.

Keywords: agrarian sector of economy, Perestroika, systems contradictions.

References

1. Arutyunyan Yu.V. Opyt sociologicheskogo izucheniya sela // М.: Izd-vo MGU, 1968. 311 с.
2. Staroverov V.I. Social'no-demograficheskie problemy derevni. Metodologiya, metodika, opyt analiza migracii sel'skogo naseleniya // AN SSSR. In-t sociol. issledovaniy. М.: Nauka, 1975. 287 с.
3. Miloserdov V.V., Miloserdov K.V. Agrarnaya politika Rossii – XX vek. М.: FGUP «VO Minsel'hoza Rossii», 2002. 543 с.
4. Gajdar E.T. Gibel' imperii: uroki dlya sovremennoj Rossii. М.: Astrel', 2007. 448 с.
5. Kalugina Z.I. Paradoksy agrarnoj reformy v Rossii: sociologicheskij analiz transformacionnyh processov. 2-e izdanie. Novosibirsk: Izd-vo instituta IehiOPP SO

- RAN, 2001. 196 s. [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://nesch.ieie.nsc.ru/Monografy.html> (data obrashcheniya: 09.04.2016).
6. Paciorkovskij V.V. Sel'skaya Rossiya: 1991–2001 gg. M.: Finansy i statistika, 2003. 368 s.
7. Staroverov V.I., Zaharov A.N. Tragediya demokraticheskoj modernizacii rossijskogo agrarnogo stroya // M.: ISPI RAN, 2004. 264 s.
8. Suhova O.A. Rossijskaya provinciya i vyzovy modernizacii: problemy metodologii i istoriografii issledovaniya // Izvestiya PGPU im. V.G. Belinskogo. Penza: PGPU, 2012. № 27. S. 1024–1029.
9. Yanik A.A. Istoriya sovremennoj Rossii: istoki i uroki poslednej rossijskoj modernizacii (1985–1999). M.: Fond sovremennoj istorii. Izd-vo Moskovskogo universiteta, 2012. 760 s.
10. Rychkov A.V. Nauka i sel'skoe hozyajstvo v SSSR vo vtoroj polovine XX veka: osnovnye problemy vzaimodejstviya // Sela Zaural'ya: istoriya i sovremenost'. 2013. № 2 (21). S. 81–84 [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://elibrary.ru/download/59747140.pdf> (data obrashcheniya: 08.04.2016).
11. Bessonova O.Eh. Razdatochnaya ehkonomika Rossii: ehvolyuciya cherez transformacii. M.: ROS-SPEhN, 2006, 147 s.
12. Lebedev A.P. Soderzhanie i napravlenost' agrarnoj politiki v SSSR (1965–1985 gg.) // Vestnik Mordovskogo universiteta. 2014. № 3. S. 64–74 [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://elibrary.ru/download/36460244.pdf> (data obrashcheniya: 08.04.2016).
13. Hazagaeva I.C. Issledovanie institucional'nyh preobrazovanij v agrarnom sektore rossijskoj ehkonomiki // Biznes. Obrazovanie. Pravo. Vestnik Volgogradskogo instituta biznesa. 2014. № 1 (26). S. 82–86 [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://elibrary.ru/download/73205392.pdf> (data obrashcheniya: 08.04.2016).
14. Ivanova M.N. Gosudarstvennaya politika, nauchno-tehnicheskie razrabotki v sel'skom hozyajstve i ehkonomicheskaya ehffektivnost': opyt SSSR v 1953–1985 gg. // Ehkonomicheskaya istoriya. 2014. № 2 (25). S. 88–92 [Elektronnyj resurs]. Rezhim dustup a: <http://elibrary.ru/download/48030221.pdf> (data obrashcheniya: 08.04.2016).
15. Gosudarstvennyj arhiv Penzenskoj oblasti (dalee – GAPO). F. P-148. Penzenskij obkom KPSS. Byuro obkoma. Op. 1. D. 6966.
16. GAPO. F. P-148. Op. 1. D. 7032.
17. GAPO. F. R-921. Statisticheskoe upravlenie Penzenskoj oblasti. Op. 19. D. 19.
18. Poluboyarov M.S. Iz istorii i demografii Penzenskoj oblasti [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.suslony.ru/Penzagebiet/predislovie.htm> (data obrashcheniya: 11.04.2016).
19. GAPO. F. R-921. Op. 19. D. 33.
20. GAPO. F. P-148. Op. 1. D. 7018.
21. Serogorodskij N.A. Sostoyanie i tendencii razvitiya sel'skogo hozyajstva SSSR v nachale 1980-h godov // Istoriicheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. 2012. № 3. S. 166–168. (17). Ch. II.
22. GAPO. F. P-148. Op. 1. D. 6847.
23. GAPO. F. R-913. Upravlenie sel'skogo hozyajstva Penzenskogo oblispolkoma (oblsel'hoz-upravlenie) 1935–1989. Op. 1. D. 8996 a.
24. GAPO. F. P-148. Op. 1. D. 6957.
25. GAPO. F. P-148. Op. 1. D. 6840.
26. GAPO. F. P-148. Op. 1. D. 6838.
27. GAPO. F. P-148. Op. 1. D. 6971.
28. GAPO. F. P-148. Op. 1. D. 6966.
29. GAPO. F. P-921. Op. 19. D. 906.